

Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства

Амуров М. А.

Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; amurov10@bk.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной статьи выступает обоснование детерминанты современных изменений политики военной безопасности, которой выступает рефлексивное управление. Военная безопасность в статье рассматривается как функция от политических установок и стратегических решений, а ее управленческая основа — как изменяющийся и изменяемый механизм, призванный соответствовать региональным и глобальным запросам и тенденциям развития общества. Автор обосновывает предположение о том, что система обеспечения военной безопасности сегодня требует радикальной управленческой трансформации, а ключевым механизмом этой трансформации является рефлексивное управление. Исследование носит теоретический характер, а его основным *методом* выступает концептуальная трансформация управленческого аспекта политики военной безопасности сквозь призму теории рефлексивного управления. Концепция рефлексивного управления до сих пор не получила должного развития в отечественной науке, однако ее актуальность определяется существенным изменением сложившихся перспектив анализа, разработки и реализации политики военной безопасности в мирное время: (1) смещением внимания управленцев на механизмы трансформации институтов военной безопасности на глобальные вызовы; (2) активизацией дискуссий об «открытых» и «закрытых» пространствах в политике; (3) развитием потенциала управления, основанного на непрерывном образовании, на сетевом управлении и многоуровневом принятии решений. В рамках рефлексивного управления когнитивные и нормативные убеждения формируют политико-административную иерархию и экономические стимулы в качестве механизмов координации военной безопасности. При этом механизм обеспечения военной безопасности состоит из таких компонентов, как (1) субъекты и (2) объекты обеспечения военной безопасности; (1) нормативно-правовой, (2) теоретико-исследовательский и (3) предметно-деятельностный компоненты обеспечения военной безопасности. Рефлексивное управление, становясь основой военной безопасности современного государства, подразумевает, что в гонке вооружений страны не должны забывать о более глубоких, фундаментальных целях управления государством. Любые действия и в рамках прямого обеспечения военной безопасности, и в рамках дипломатического регулирования отношений на международной арене, должны предаваться коллективной и индивидуально-управленческой рефлексии лиц, принимающих решения. Ключевую роль в политике военной безопасности должна играть не теория ведения войны, а разработка инструментов, помогающих решать возникающие конфликты мирным путем.

Ключевые слова: военная безопасность, рефлексивное управление, механизм обеспечения военной безопасности, управленческие трансформации

Для цитирования: Амуров М. А. Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 45–54.

Reflexive Governance as the Basis for Military Security in a Modern State

Mark A. Amurov

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; amurov10@bk.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to substantiate the determinants of contemporary changes in military security policy, which is reflexive management. Military security is considered as a function of political attitudes and strategic decisions, and its governmental potential is a changing mechanism designed to meet regional and global demands and tendencies of society development. The author substantiates the assumption that today, the system of ensuring military security requires radical governmental transformation, and the key mechanism of this transformation is reflexive governance. The theoretical research method is a conceptual transformation of the governmental aspect of the military security policy through the prism of the theory of reflexive governance. The concept of reflexive governance has not yet been properly developed in Russian academic investigations, but its relevance is determined by a substantial change in the existing prospects for the analysis, development, and implementation of the military security policy in times of peace: (1) shifting the attention of civil servants to the mechanisms of transformation of military security institutions to global challenges; (2) activation of discussions about “open” and “closed” spaces in politics; (3) development of the potential of governance based on continuous education and network management; and (4) development of a network governance system. Within the framework of reflexive governance, cognitive and normative beliefs form the political-administrative hierarchy and economic incentives as mechanisms for coordinating military security. At the same time, the mechanism of ensuring military security consists of such components as (1) subjects and (2) objects of military security; (1) normative and regulatory, (2) theoretical and research, and (3) activity components of military security. Reflexive governance, while becoming the basis of the military security in a modern state, implies that in the arms race countries should not forget about deeper, fundamental goals of state management. Any action both within the framework of direct provision of military security and within the framework of diplomatic regulation of relations in the international arena should be devoted to collective and individual-administrative reflexing of decision makers. A key role in military security policy should be played not by the theory of warfare, but by the development of tools to help resolve emerging conflicts peacefully.

Keywords: military security, reflexive governance, mechanism of ensuring military security, governance transformations

For citing: Amurov M. A. Reflexive Governance as the Basis for Military Security in a Modern State // Administrative consulting. 2020. No. 8. P. 45–54.

Введение

Обеспечение военной безопасности — приоритетная задача каждой страны. На сегодняшний день система военной безопасности — это самый сложный механизм, включающий в себя множество субъектов, объектов, этапов. Однако важнейшим и часто забываемым сегодня принципом исследований безопасности (security studies) является то, что военная безопасность любого государства представляет собой значимый элемент его политической системы [24]. От качества обеспечения системы военной безопасности и вооруженности зависит место страны в мировом сообществе.

Так, важнейшей задачей любого государства является защита собственной государственной границы, поэтому, например, Россия охраняет приграничное пространство, представленное различными зонами. Это и воздушное пространство, и континентальный шельф, и земельное пространство. Кроме того, под охраной приграничных зон находятся и ресурсы в этих зонах. На международном уровне Российская Федерация обеспечивает защиту своих объектов, которые находятся не на территории государства. К ним относятся объекты, размещенные на территориях других государств, в Мировом океане, в космосе. Если того требует политика государства, Вооруженные силы Российской Федерации поддерживают политические акции путем проведения военных мероприятий. Кроме того, в мирное время проводится подго-

товка к гражданской обороне, обеспечивается развитие необходимой военной инфраструктуры, военной безопасности населения на случай военных действий; с гражданами производится информационная работа по вопросам обеспечения военной безопасности государства. Также в мирное время обеспечивается контроль за выполнением договорных обязательств в области уменьшения вооружения, планируются и проводятся мероприятия, целью которых является укрепление доверия между странами. Кроме того, страна постоянно демонстрирует готовность к участию в миротворческих операциях. Для этого правительством непрерывно выделяются ресурсы как человеческие, так и материальные и технические. Военная безопасность в политическом измерении — это непрекращающийся диалектический поток вопросов войны и мира, доминанты которой определяются сложившейся здесь-и-сейчас политической ситуацией.

Тем не менее, благодаря глобальным процессам демократизации, гуманизации и информатизации общества, все больше стран — и Россия в том числе — приходят к выводу, что, несмотря на всеобщую гонку вооружения, стоит сделать курс на стремление к мирным взаимоотношениям, как во внутренней, так и во внешней политике. Несмотря на множество постоянно развивающихся военных технологий, каждое государство должно стремиться к установлению всеобщего мира путем использования инструментов такого характера, которые помогут решать возникающие конфликты на ранней стадии и преимущественно мирным путем [1; 5]. И поскольку военная безопасность — функция от политических установок и стратегических решений, ее управленческая основа неизбежно меняется. Характеристика этих — управленческих — изменений составляет содержание данной статьи. Более конкретно, в нашу задачу входит обоснование детерминанты этих изменений, которой является рефлексивное управление, а также — на основе теоретического анализа — характеристика структуры механизма обеспечения военной безопасности в ситуации управленческой рефлексивности.

Теоретические основы

Обеспечение военной безопасности страны направлено на защиту внешних и внутренних границ, свобод и интересов общества и всего государства от возможных опасностей и военных угроз со стороны потенциальных агрессоров. В мирное время благодаря институту военной безопасности организуется процесс стабильности внутри страны, с целью защиты конституционного строя, а также целостности и неприкосновенности территорий; должна быть сформирована и реализована единая политика государства, касающаяся вопросов военной безопасности страны [12, с. 6]. В отсутствие военных действий особо важно иметь дружественные отношения со странами-соседями и другими государствами. Это позволяет иметь союзников в дополнение к уже имеющейся системе обороны государства, которую также надо совершенствовать и обновлять с течением времени. Вместе с тем, Вооруженные силы государства и другие войска должны обеспечивать постоянную готовность по предотвращению, ликвидации или локализации угроз как внешних, так и внутренних. В свою очередь государство должно обеспечивать все условия для качественного совершенствования, как Вооруженных сил, так и других войск. В Российской Федерации, например, подробнейшим образом разработаны меры, которые предусматривают экстренный переход Вооруженных сил и других войск на военное положение. Как было показано в [2], в случае необходимости, предприятия оборонно-промышленного комплекса РФ могут перейти на выпуск военной продукции, а органы государственного и военного управления смогут организовать и подготовить граждан к военному положению, предоставив информацию и задачи по организации военной безопасности, основных моментах гражданской обороны.

В отличие от политики мирного или погранично-военного времени, в период наличия непосредственной угрозы и начала вооруженного конфликта в первую очередь должно быть своевременно объявлено состояние войны [11]: введен режим военного или чрезвычайного положения, проведено обеспечение территорий Вооруженными силами, а также эти Вооруженные силы должны быть приведены в боевую готовность. После этого происходит координация действий деятельности федеральных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, населения в связи с военным положением с целью отражения агрессии, которая присутствует в отношении государства. После обеспечения экстренных мер, военное положение в стране должно затронуть все области и отрасли. Должна быть скоординированная борьба различного характера — вооруженная, политическая, дипломатическая, экономическая и информационная. Военные действия должны проходить по четко регламентированному плану. В период военной угрозы страна переводит свои отрасли и предприятия, а также транспорт и коммуникации на условия работы в военном положении. Вводятся мероприятия по обеспечению гражданской обороны. Решив вопросы внутреннего положения в стране, необходимо обратиться к союзникам для более быстрой реализации военных целей в сложившейся ситуации. Кроме того, важным моментом является предотвращение вступления других стран в союз с агрессором. Этому может способствовать обращение потерпевшей стороны в ООН или другие международные организации.

На сегодняшний день организация военных действий представляет собой комплексную систему интеграции различных параллельных процессов, таких как наблюдение, разведка, навигация и пр. Действия должны быть синхронизированы во времени и пространстве, поскольку их реализация происходит в очень высоком темпе средствами современных технических вооружений [8; 13]. Сегодня на первое место выходят внедрение в армию новых технологий, высокоточного оружия, адресного координирующего материально-технического снабжения. Эти новинки занимают классические военные понятия, такие как оборона, маневр, нанесение удара. Точный расчет и анализ на краткосрочную и долгосрочную перспективу с помощью современных технических средств и вооружений позволяют спланировать предстоящие сценарии боевых действий.

Одну из ведущих ролей в организации Вооруженных сил Российской Федерации играют информационные технологии. Именно информационные технологии, включающие в себя физические, когнитивные, управленческие функции, охватывают каждый элемент системы военного дела. Это основа системы боевого управления, передачи информации, организации контроля за обеспечением материально-технической части [13, с. 201]. Современные информационные технологии позволяют организовать взаимодействие всех боевых элементов и участников военного столкновения, мобилизовать систему контроля и управления, а также организовать коммуникационную работу, тем самым помогая автоматизировать процесс принятия итогового решения. Другими словами, информационные технологии, применяемые сегодня в военном деле, позволяют сохранять главный ресурс — время. Отдельно стоит отметить, что информационные технологии начинают занимать ведущее положение в некоторых военных областях: это касается робототехники, беспилотной авиации, технического зрения и т. д. Одной из важных научных перспектив развития военного обеспечения является топогеодезическое и навигационное обеспечение. Данные технологии несут в себе функцию объективного и оперативного предоставления информации [16; 20].

Процесс обработки информации основан на использовании технических средств. Среди основных средств следует выделить программы и устройства по распознаванию изображений, видео, голоса, нейронных сетей. На сегодняшний день актив-

но внедряются технологии, основанные на искусственном интеллекте. Совокупность использования технических средств позволяет более точно и оперативно принимать решения, а также вести контроль над командованием Вооруженными силами. Для этого необходима точная и оперативная информация. Именно поэтому технический прогресс не стоит на месте, постоянно совершенствуются инструменты, позволяющие при необходимости гибко реагировать на поступающую информацию о новых угрозах и действиях противника. Поступающая информация обрабатывается техническими средствами, ведь чем современнее применяемые технологии сбора и обработки информации, тем выше шансы на опережение и отражение угрозы со стороны противника.

В числе самых точных технологических носителей цифровой аудио- и видеосвязи следует отметить аэрокосмическую, оптико-электронную разведку, с применением цифровой и компьютерной обработки. Они позволяют формировать карты местности, различного рода базы данных [7, с. 42], создавать объемные карты местности, которые используют для отработки, к примеру, на летных тренажерах. Также эти данные широко используются для прогнозирования боевых действий и их последствий.

Тем не менее, несмотря на выверенную историей четкость действий по обеспечению военной безопасности в мирное время и их трансформаций в случае эскалации конфликтов; несмотря на усложняющиеся технические инновации в сфере военных действий, реализация политики военной безопасности с каждым десятилетием становится все сложнее. Это касается и России, и других стран мира. Практика последних десятилетий показывает, что прописанные механизмы действий не срабатывают, а традиционных дипломатических усилий недостаточно для того, чтобы принудить агрессора прекратить вооруженный конфликт. Все это является основанием предположить, что система обеспечения военной безопасности сегодня требует радикальной управленческой трансформации, а ключевым механизмом этой трансформации как, впрочем, и функционирования новой системы военной безопасности, является рефлексивное управление.

Концепция рефлексивного управления предполагает существенное изменение сложившихся перспектив анализа, разработки и реализации политики военной безопасности в мирное время. Во-первых, следуя постулатам «рефлексивной мод-эрнитизации» [18], внимание управленцев перемещается с оптимизации институциональных рамок для целей оборонительной или охранительной политики на механизмы, с помощью которых институты военной безопасности трансформируются в ответ на вызовы глобализации, гуманизации и демократизации общества. Во-вторых, концепция рефлексивности как самокритической рефлексии, нацеленной на изучение внутриинституциональных предположений и гипотез [25], постепенно приводит к активизации дискуссий об «открытых» и «закрытых» пространствах в политике, связанных в том числе с открытостью данных и гибкостью управления. В-третьих, концепция рефлексивного управления развивает множество дискуссий об управлении, основанном на непрерывном образовании [23], о сетевом управлении [19] и многоуровневом принятии решений [22]. В этом контексте рефлексивность обозначает такой способ управления, при котором когнитивные процедуры предназначены для создания обратной связи по многочисленным регуляторным механизмам с целью оказания влияния на интересы участников, а через них — на регуляцию непосредственно действий. В рамках рефлексивного управления когнитивные и нормативные убеждения формируют политико-административную иерархию и экономические стимулы в качестве механизмов координации военной безопасности [15]. Ассоциируя рефлексивность с управлением, термин «рефлексивное управление» подразумевает, что трансформационные социальные, политические и институ-

циональные изменения в ответ на вызовы внешнего по отношению к конкретному государству развития могут стать объектом управления.

В.А. Лефевр [10, с. 87] определяет рефлексивное управление в контексте реализации военной безопасности как процесс, включающий в себя действия одной стороны, которая передает противнику основание для принятия решения. Другими словами, это воздействие на противника с помощью определенных манипуляций, причем противник будет принимать решение, устраивающее первую сторону неосознанно [6, с. 45]. Взаимодействие информационных технологий в процессе рефлексивного управления может как затормозить процесс, так и помочь ему. Технологии позволяют оперативно и глубоко просчитывать и пересчитывать любые действия, а поэтому существует угроза вычисления того, что то или иное военное мероприятие является рефлексивным. С другой стороны, принятие решения ложится на человека, поэтому информационно-технологическому обеспечению все же не хватает человеческого фактора. Манипуляция уже не выступает чисто человеческим способом взаимодействия. Сегодня в процесс ведения войны активно внедряются технологии, способные просчитывать миллионы вариантов, поэтому война человека с человеком теряет свою актуальность. В технически развитом мире характер войны дополняется видом «человек против машины» и «машина против машины». Именно поэтому важно развивать возможность совместного использования информационных технологий и рефлексивного управления. Примером может служить организация процесса предупреждения и снижения угроз в киберпространстве.

Результаты и обсуждение

Обеспечение военной безопасности в новой парадигме рефлексивного управления предполагает выполнение комплекса условий и действий, которые позволят предотвратить, минимизировать или ликвидировать угрозу, возникающую перед государством наиболее эффективным образом. Механизм обеспечения военной безопасности и представляет собой этот комплекс условий и действий, совокупность субъектов, работа которых направлена на выявление опасностей и угроз, разработку стратегии противостояния, организацию, согласно законодательству, соответствующей военно-политической деятельности по устранению всевозможных опасностей, угрожающих государству, обществу, личности. Данный механизм состоит из следующих компонентов.

1. *Субъекты обеспечения военной безопасности* — совокупность органов и организаций и конкретных людей, которые задействованы в системе военной безопасности, основанной на рефлексивном управлении. На основании рефлексии имеющихся возможностей государства и сил потенциальных противников они обеспечивают решение задач по предотвращению и ликвидации военных угроз. Сфера их деятельности ограничена полномочиями и компетенциями, предоставляемыми государством. Субъектами обеспечения военной безопасности являются все институты, органы и организации, начиная с Президента Российской Федерации и Совета Безопасности Российской Федерации и заканчивая обычными организациями и простыми гражданами [4].

2. *Объекты обеспечения военной безопасности* в рамках парадигмы рефлексивного управления представляют собой интересы государства, общества, личности. К интересам личности следует относить непосредственно жизнь и права граждан, предоставление защиты стабильности во всех сферах, организацию безопасных и посильных условий труда, защиту охраны труда, защиту населения от вооруженных и воинствующих религиозных группировок. С политической точки зрения объектом обеспечения военной безопасности является любая среда, которая высту-

пает необходимым объектом защиты в случае военных действий. К таким объектам относятся экономическая, научная, социальная, духовная и другие сферы. Кроме того, следует отметить противодействие агрессии, направленной на целостность государства, противодействие коррупции, противодействие криминализации различного рода структур и военную защиту основ политической власти, которые также относятся к объектам обеспечения военной безопасности. При этом понятие «национальная безопасность» представляет собой защиту государства, общества и личности от угроз как внутренних, так и внешних, предоставление необходимого и достойного качества жизни, независимость, территориальную целостность [3]. Все эти условия подкрепляются обязательным устойчивым социально-экономическим развитием в Российской Федерации.

3. *Нормативно-правовой компонент обеспечения военной безопасности* включает законодательные акты, нравственные нормы и правила, которые направлены на создание и поддержание безопасных условий в стране. Среди нормативных актов встречаются законы «Об обороне», «О безопасности», «Стратегия национальной безопасности», «Военная доктрина» и т. д. Эти документы определяют политику государства, действия власти в условиях предупреждения и ликвидации военных действий, а также их обязанности при введении чрезвычайного положения [9]. Кроме того, в рамках рефлексивной парадигмы среди правовых принципов для всех субъектов обеспечения военной безопасности следует выделить моральные нормы, такие как личная ответственность, честь, достоинство, нравственность [20].

4. *Теоретико-исследовательский компонент механизма обеспечения военной безопасности* — фундаментальное, носящее мировоззренческий характер и постоянно развивающееся, рефлекслируемое знание о сущности, смысле и реальных механизмах военной безопасности. В стремительно меняющемся мире важно исследовать направления обеспечения безопасности, разрабатывать план действий, как на ближайшую, так и на долгосрочную перспективу. Постоянно меняется характер угроз, которые могут затронуть государство [17]. Это предполагает необходимость организации постоянного процесса исследовательской работы, которая обеспечит наличие максимально возможной рефлексии и детальной работы с информацией, исходя из которой можно выстраивать стратегию военной безопасности. Проблемы идеологии и методологии военной безопасности решаются большим количеством специалистов. Среди основных проблем научного обеспечения деятельности по обеспечению уровня военной безопасности можно отметить:

- прогнозирование мировой военно-политической обстановки и военной безопасности страны в связи с этой обстановкой;
- анализ существующего процесса управления военной безопасностью государства;
- теоретический разбор возможных угроз, которые могут быть реализованы в отношении Российской Федерации;
- постоянное совершенствование процесса развития теории и практики военной безопасности Российской Федерации [11; 15; 21].

Решением этих проблем занимаются многие специалисты, целый ряд гражданских и военных исследовательских организаций. Кроме того, в нашей стране с целью решения теоретико-исследовательских вопросов был создан научный совет при Совете Безопасности Российской Федерации.

5. *Предметно-деятельностный компонент* отвечает за организацию конкретных действий. Действия субъектов основаны на рефлексии, выраженной уже в конкретной системе принципов, направление которых исходит из основных целей военной безопасности государства. Другими словами, понятие предметно-деятельностного компонента включает в себя заранее просчитанные действия субъектов обеспечения военной безопасности, которые они применяют на каждой ступени развития стратегии с помощью необходимого технического обеспечения и на основании

установленных методов в интересах государства, общества, личности. Действия по обеспечению военной безопасности должны проходить по четко спланированному сценарию, включающему:

- анализ возможных угроз, согласно военной обстановке на данный момент времени в стране;
- информирование субъектов военной безопасности, в которое входит отчет о состоянии объектов безопасности и их действиях в вопросах ликвидации военных угроз, представляющих опасность для государства;
- принятие решений на первоначальных этапах, при обнаружении военной угрозы, по ее нейтрализации, согласно имеющимся на данный момент военным возможностям государства;
- организацию процесса мобилизации всех субъектов обеспечения военной безопасности государства. Данные мероприятия проводятся для наиболее быстрого решения задач по ликвидации и отражению возникающих военных угроз;
- анализ результативности проведенных мероприятий, внесение корректировок в утвержденный план мероприятий, в случае наличия военных угроз в будущем.

Таким образом, обеспечение военной безопасности страны представляет собой совокупность всех составляющих общего механизма. От готовности и качества исполнения функции каждого из компонентов зависит общий исход выхода страны из военного положения. Только сплоченная качественная работа по заранее утвержденному плану с большей вероятностью приведет к успеху. Каждый из вышерассмотренных компонентов является важным, ведь невозможно существование одного компонента без другого, например, без теоретико-методологической основы нельзя грамотно построить предметно-деятельностный компонент. Рефлексивное управление, становясь основой военной безопасности современного государства, подразумевает, что в гонке вооружений страны не должны забывать о более глубоких, фундаментальных целях управления государством. Любые действия и в рамках прямого обеспечения военной безопасности, и в рамках дипломатического регулирования отношений на международной арене, должны предаваться коллективной и индивидуально-управленческой рефлексии лиц, принимающих решения. Современная политологическая теория и практика военной безопасности должна быть основана на рефлексивном управлении; ключевую роль должна играть не теория ведения войны, а разработка инструментов, помогающих решать возникающие конфликты мирным путем.

Литература

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Васильченко В. А. Идеологическая война против России: анализ внешних и внутренних акторов // Политэкс. 2017. Т. 13. № 3. С. 40–56.
2. Балашов А. И. Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 34 (319). С. 46–55.
3. Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.
4. Белозеров В. К. Военная доктрина России: в начале большого пути // Власть. 2015. № 2. С. 98–103.
5. Гареев М. А. Угрозы современного мира // Национальные приоритеты России. 2014. № 1 (11). С. 8–16.
6. Иванов В. В., Маркус А. С. Топогеодезическая карта XIX века // Армейский сборник. 1999. № 9. С. 42–45.
7. Ивашов Л. Г. Мир на изломе истории. Хроники геополитических сражений. М. : Книжный мир, 2018.
8. Кокошин А. А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики: тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62.
9. Кучерявый М. Глобальное информационное общество и проблемы безопасности // Власть. 2013. № 9. С. 91–92.

10. Лефевр В. А. Лекции по теории рефлексивных игр. М. : Когито-Центр, 2009.
11. Махонин В. А. Государственная идеология и внешние войны: четыре века российского опыта // Военная мысль. 2011. № 5. С. 3–18.
12. Радиков И. В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Политические науки. 2017. № 4. С. 6–11.
13. Радиков И. В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ. СПб., 2017.
14. Скулаков Р. М. Территориальная целостность государства в системе научных категорий и ее методологическое значение для военного права // Военное право. 2017. № 3. С. 13–30.
15. Смолян Г. Л. Рефлексивное управление — технология принятия манипулятивных решений // Труды института системного анализа РАН. М. : Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук. 2013. С. 54–61.
16. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М. : АСТ, Транзиткнига, 2005.
17. Avant D. D., Finnemore M., Sell S. K. Who governs the globe? In: D. D. Avant, M. Finnemore, S. K. Sell (eds). Who governs the globe? Cambridge: Cambridge University Press, 1–32. 2010.
18. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
19. Buzan B., Ole W. et al. (ed.) Security: A new framework for analysis. Boulder : Lynne Rienner, 1998.
20. Daase C., Friesendorf C. Introduction: security governance and the problem of unintended consequences. In: Daase C., Friesendorf C. (eds.). Rethinking security governance: the problem of unintended consequences. London : Routledge, 1–20. 2010.
21. Innes M. Policing uncertainty: countering terror through community intelligence and democratic policing. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 605: 222–241. 2006.
22. Marsden T. From post-productionism to reflexive governance: Contested transitions in securing more sustainable food futures. Journal of Rural Studies, 29, 123–134. 2013.
23. Meadowcroft J. Environmental political economy, technological transitions and the state. New Political Economy, 10 (4): 479–498. 2005.
24. Rose N., Miller P. Political power beyond the state: problematics of government. British Journal of Sociology, 43 (2): 173–205. 1992.
25. Stirling A. Precaution, foresight and sustainability: Reflection and reflexivity in the governance of science and technology. In: Voß J.-P., Bauknecht D., Kemp R. (eds.), Reflexive governance for sustainable development (p. 225–272). Cheltenham : Edward Elgar, 2006.
26. Torgerson D. Reflexivity and developmental constructs: The case of sustainable futures. Journal of Environmental Policy & Planning. 20 (6). 781–791. 2018.

Об авторе:

Амуров Марк Александрович, Помощник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); amurov10@bk.ru

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Vasilchenko V. A. Ideological war against Russia: analysis of external and internal actors // Politex [Politeks]. 2017. V. 13. N 3. P. 40–56. (In rus)
2. Balashov A. I. Military potential and economic restrictions of the Russian army // National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']. 2015. V. 11. N 34 (319). P. 46–55. (In rus)
3. Belozеров V. K., Soloviev A. V. Hybrid war in domestic political and scientific discourse // Power [Vlast']. 2015. N 9. P. 5–11. (In rus)
4. Belozеров V. K. Military doctrine of Russia: at the beginning of the big path // Power [Vlast']. 2015. N 2. P. 98–103. (In rus)
5. Gareev M. A. Threats of the modern world // National priorities of Russia [Natsional'nye priority Rossii]. 2014. N 1 (11). P. 8–16. (In rus)
6. Ivanov V. V., Marcus A. C. Topogeodetic map of the XIX century // Army collection [Armeiskii sbornik]. 1999. N 9. P. 42–45. (In rus)

7. Ivashov L. G. Peace on the fracture of history. Chronicles of geopolitical battles. M.: Book world. 2018. (In rus)
8. Kokoshin A. A. Some macro-structural changes in the world policy system: trends for the 2020–2030s // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2014. N 4. P. 38–62. (In rus)
9. Kucheryavyy M. Global Information Society and Security Issues // Power [Vlast']. 2013. N 9. P. 91–92. (In rus)
10. Lefevr V. A. Lectures on the theory of reflexive games. M.: Cogito Center, 2009. (In rus)
11. Makhonin V. A. State ideology and external wars: four centuries of Russian experience // Military thought [Voennaya mysl']. 2011. N 5. P. 3–18. (In rus)
12. Radikov I. V. Human security: reality or fiction? // Bulletin of Moscow University. Political science [Vestnik Moskovskogo universiteta. Politicheskie nauki]. 2017. N 4. P. 6–11. (In rus)
13. Radikov I. V. Military security of society and the state: Political analysis. St. Petersburg, 2017. (In rus)
14. Skulakov R. M. Territorial integrity of the state in the system of scientific categories and its methodological significance for military law // Military law [Voennoe pravo]. 2017. N 3. P. 13–30. (In rus)
15. Smolyan G. L. Reflexive control — technology for making manipulative decisions // Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences. M.: Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences. 2013. P. 54–61. (In rus)
16. Toffler A., Toffler H. War and anti-war. What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the 21st century. M.: AST, Transit Book, 2005. (In rus)
17. Avant D. D., Finnemore M., Sell S. K. Who governs the globe? In: D. D. Avant, M. Finnemore, S. K. Sell (eds). Who governs the globe? Cambridge: Cambridge University Press, 1–32. 2010.
18. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
19. Buzan B., Ole W. et al. (ed.) Security: A new framework for analysis. Boulder : Lynne Rienner, 1998.
20. Daase C., Friesendorf C. Introduction: security governance and the problem of unintended consequences. In: Daase C., Friesendorf C. (eds.). Rethinking security governance: the problem of unintended consequences. London : Routledge, 1–20. 2010.
21. Innes M. Policing uncertainty: countering terror through community intelligence and democratic policing. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 605: 222–241. 2006.
22. Marsden T. From post-productionism to reflexive governance: Contested transitions in securing more sustainable food futures. Journal of Rural Studies, 29, 123–134. 2013.
23. Meadowcroft J. Environmental political economy, technological transitions and the state. New Political Economy, 10 (4): 479–498. 2005.
24. Rose N., Miller P. Political power beyond the state: problematics of government. British Journal of Sociology, 43 (2): 173–205. 1992.
25. Stirling A. Precaution, foresight and sustainability: Reflection and reflexivity in the governance of science and technology. In: Voß J.-P., Bauknecht D., Kemp R. (eds.), Reflexive governance for sustainable development (p. 225–272). Cheltenham : Edward Elgar, 2006.
26. Torgerson D. Reflexivity and developmental constructs: The case of sustainable futures. Journal of Environmental Policy & Planning. 20 (6). 781–791. 2018.

About the author:

Mark A. Amurov, Assistant Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); amurov10@bk.ru